Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 92–103.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(8(514):92-103.

Научная статья

УДК 141.41

doi: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-92-103

ФИЛОСОФСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЖИТИЙНЫХ ТРАДИЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ОТЕЦ СЕРГИЙ»

Светлана Георгиевна Гутова

Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия, svetguts.07@mail.ru, 0000-0002-7947-166X

Аннотация. В статье рассматривается влияние философско-антропологических идей агиографии на творчество Льва Толстого на примере повести «Отец Сергий». Проведённый анализ выявил особенности переосмысления философско-антропологических идей житийного жанра в творчестве писателя. Исследование показало, что Лев Толстой, включая элементы канона агиографического жанра, применил своеобразный способ раскрытия проблемы двойственности человека. Вопросы нравственности, выраженные в столкновении добродетелей и пороков, представлены на примере сложной борьбы отдельно взятого человека, главного героя, который является репрезентацией самого мыслителя, о чём свидетельствуют его дневник и записная книжка. В статье дан анализ экзистенциального состояния героя повести Толстого, который испытывает амбивалентные чувства. Показано, что решающую роль в нравственном развитии героя Толстой видит в примерах и образцах житийных традиций. В работе подчеркивается, что главный герой повести является прямым отражением автора, что подкрепляется эго-документами писателя. В статье применяется герменевтический подход, позволивший, во-первых, проследить, как менялись духовные искания писателя с течением времени; во-вторых, увидеть, каким образом его личная судьба переплетается с художественными произведениями; в-третьих, охарактеризовать специфику философско-антропологических взглядов Толстого. Анализ показывает, как классик использует житийные мотивы для раскрытия внутренней двойственности человека, а именно через нравственный конфликт и философскую саморефлексию главного героя. В статье отмечается, что представления Л. Толстого о человеческой природе неотделимы от его собственных экзистенциальных переживаний. Показано, что поиск нравственной опоры писателем напрямую связан с устремлённостью к подлинным добродетелям, которые, по мысли Толстого, приводят к спасению и единению с Богом. Предпринята попытка переосмыслить традицию житийной литературы в рамках русской духовной культуры. Такой подход позволяет увидеть, как философские размышления, религиозно-нравственные искания и личная духовная эволюция образуют у Толстого целостную, диалектическую картину человеческой жизни.

Ключевые слова: агиография, учение Л. Н. Толстого, двойственность человека, житийные традиции, повесть «Отец Сергий», природа человека, пороки и добродетели

Для цитирования: Гутова С. Г. Философское переосмысление житийных традиций в творчестве Л. Н. Толстого на примере повести «Отец Сергий» // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 92–103. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-92-103.

Original article

A PHILOSOPHICAL RETHINKING OF THE HAGITAL TRADITIONS IN THE WORKS OF L. N. TOLSTOY USING THE EXAMPLE OF THE STORY «FATHER SERGIUS»

Svetlana G. Gutova

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, svetguts.07@mail.ru, 0000-0002-7947-166X

Abstract. This article examines the influence of philosophical and anthropological ideas of hagiography on Leo Tolstoy's work, using the novella "Father Sergius" as an example. An analysis of the novella reveals a distinctive reinterpretation of philosophical and anthropological ideas of the hagiographic genre in the writer's work. The study

© Гутова С. Г., 2026

demonstrates that Leo Tolstoy, while incorporating elements of the canon of the hagiographic genre, employed a unique approach to exploring the problem of human duality. Moral issues, expressed in the clash of virtues and vices, are presented through the complex struggle of an individual, the protagonist, who is a representation of the thinker himself, as evidenced by his diary and notebook. The article analyzes the existential state of Tolstoy's protagonist, who experiences ambivalent feelings. It is shown that Tolstoy sees examples and models from hagiographic traditions as crucial to the hero's moral development. The work emphasizes that the protagonist in Tolstoy's story is a direct reflection of himself, a fact supported by the writer's ego-documents. Applying the hermeneutic method to Tolstoy's work allowed us to trace the evolution of the writer's spiritual quest, identify the connections between his personal life and his work, and demonstrate the specifics of his philosophical and religious-moral views. The article analyzes Leo Tolstoy's use of the hagiographic genre to explore the duality of human nature through the protagonist's moral struggle and philosophical reflection. It emphasizes that Tolstoy's ideas about human nature reflect his existential experiences, and that the search for a moral foundation is linked to the pursuit of true virtues that lead to salvation and union with God.

Keywords: hagiography, L. Tolstoy's teachings, human duality, hagiographic traditions, the novella «Father Sergius», human nature, vices and virtues

For citation: Gutova SG. A Philosophical Rethinking of Hagiographic Traditions in the Works of Leo Tolstoy the example of the story «Father Sergius». *Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2026;(8(514):92-103. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-92-103.

Введение

Очевидно, что русские философствующие писатели в становлении своего творческого мировоззрения черпали философские идеи из определённых источников, которые во многом сформировали их идейные поиски и жизненные установки. Многоплановое творчество русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910) не является исключением из этого правила. Жанр жития представлял собой для писателя живой источник, из которого он не только заимствовал и переосмыслял сюжеты, но и стремился извлекать определенные философские выводы, основанные на идеях агиографии. Сам Толстой неоднократно отмечал свой непосредственный интерес к житиям: «В деревне у меня жития Дм. Ростовского все отчеркнутые на тех местах, которые можно взять, и я постараюсь написать» [21, с. 189]. Внимание Толстого к агиографическим сюжетам отмечается многими отечественными исследователями; в частности, в работе А. Г. Гродецкой, посвященной данной тематике, отмечается, что существует «множество отчеркнутых Толстым у Димитрия Ростовского чисто «занимательных» сюжетов, внимание к «наивной поэзии» житий...» [4, с. 97]. В этом же исследовании автор отмечает: «Что касается тематики житий, выбор Толстого определяла содержательная сторона памятников — отбиралось то, что было созвучно его собственным представлениям о психологии веры и психологии религиозного поиска, то, что совпадало с собственным толстовским неканоническим и недогматическим богословием» [4, с. 73].

Лев Николаевич Толстой, является одним из общепризнанных и читаемых русских писателей во всём мире. Помимо этого, он включён в число русских философов, которые определяют своеобразие национальной философии России и являются теми, кто выступил «В качестве решающих катализаторов для возникновения «нового религиозного сознания» [29, с. 56]. Знаменитый художник М. В. Нестеров в картине «На Руси» («Душа народа»), представляющей собой собирательный народный портрет Руси, включил в неё Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьёва и Л. Н. Толстого, что показывает особую значимость этих фигур для российской культуры. Общая задача, объединяющая этих и многих других представителей отечественной культуры в период ее расцвета, видится ими как становление духовности, которое состоит в том, чтобы просветлять природный мир, внося в него смысл. [7, с. 45]. Творчество этих выдающихся мыслителей напрямую связывается с духовным национальным кодом, составляющим ядро отечественной духовной культуры [14, с. 176]. Сам Л. Толстой так видел свое призвание: «Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжёт, греет и освещает... Настоящий поэт и сам невольно и страданьем горит, и жжёт других. И в этом всё дело» [22, с. 112]. Что касается текстов древнерусской агиографии, В. О. Ключевский в своем фундаментальном исследовании показал, что жития — не просто религиозный жанр, а мощный фактор формирования духовной, культурной и исторической традиции России, заложивший основы национальной системы ценностей и существенно повлиявший на развитие отечественной литературы [13].

Работа писателя над повестью «Отец Сергий» продолжалась на склоне лет и с большим промежутком: 1890–1891 гг. и 1898 г. Надо отметить, что данная повесть является одним из ключевых религиозно-философских произведений автора

и отражает его понимание духовных поисков, нравственного совершенствования и внутренней борьбы человека. «По сути, повесть «Отец Сергий» воплощает нравственные итоги идейных и жизненных поисков самого Толстого, являя их в отточенных многолетним писательским опытом языковых формах» [17, с. 160]. Таким образом, проблемы, которые обозначил Толстой в этом произведении, представлены в аксиологическом и экзистенциальном ключе, что позволило анализировать его идеи на основе философско-антропологического подхода.

Материалы и методы исследования

Анализ влияния жанра агиографии на творчество Л. Н. Толстого, осуществленный на примере повести «Отец Сергий», сам по себе не является новым, поскольку уже в отечественных исследованиях неоднократно предпринимались попытки обращения именно к этому произведению писателя. Однако в большей степени это касается историко-культурологических и литературоведческих трудов. Основная задача проделанной работы в данной статье связана с выявлением особенностей философских взглядов писателя на природу человека через призму переосмысления житийных традиций. Методология исследования, основанная на философско-антропологическом подходе и герменевтическом методе, позволяет ориентироваться на *«понимание»* общности мотивов и оригинальное толкование житийных историй в произведениях Толстого. Относительно необходимости применения такого рода методов к изучению агиографической литературы О. Н. Бахтина точно заметила: «С точки зрения христианства, жития «как литература спасения» призваны духовно преображать человека, поэтому такие тексты нуждаются в особом инструментарии для анализа. На это и должны быть направлены усилия исторической поэтики как научной дисциплины. Действительно, историческая поэтика сегодня не только исследует генезис некоторых приемов и принципов словесного творчества, но и «расшифровывает» произведения других эпох — художественных, религиозных, научных и др., т. е. ставит вопрос об определенном культурном коде...» [1, с. 49].

Применяемый в работе «дильтеевский метод» представляет собой особый подход к анализу биографических текстов, основанный на принципах философской герменевтики Вильгельма Дильтея. Данный метод предполагает особое погружение в личностный опыт автора, его внутренний мир и духовные искания. Применительно к творчеству Л. Толстого дильтеевский метод «понимающей герменевтики» позволяет увидеть связь между личной жизнью и художественным творчеством, обозначить путь писателя к обоснованию наиболее важных в его жизни и творчестве религиозно-нравственных принципов. Поскольку житийный канон в творчестве Толстого преломляется через призму личного опыта писателя, данная методология исследования позволяет увидеть, как именно автобиографические мотивы переплетаются с житийными архетипами, а также показать, как личный духовный путь мыслителя соотносится с христианской аскетической традицией. Наиболее существенным с позиции философско-антропологического подхода является понимание амбивалентности человеческой природы, ее перманентно динамического состояния, где всегда есть место внутренней диалектике духовного развития.

В творчестве русского писателя становление и формирование взглядов человека, его воли и убеждений происходит через сложности борьбы духовного и физического мира, через противоречия и переломы в мировоззрении. Диалектика имманентна художественной мысли Толстого и присутствует как постоянный поиск истины, который становится центральным сюжетом его творчества. «Живая картина» в произведении возникает благодаря возможности выстроить особую взаимосвязь художественного творчества и духовной практики. Герменевтический анализ позволяет раскрыть личностное измерение религиозных исканий самого Толстого и героя его повести. Раскрывая сущность дильтеевского метода, Г. К. Райх отмечает: «Понимая и переживая понимание о самом себе, человек формирует возможность и умение понимать жизнь другого. Для этого необходимо явить эту жизнь в чувственный мир. Текст автобиографии становится таким проявлением: выражением духовного посредством слов о переживании автором чувственных проявлений собственной жизни» [16, с. 69]. Таким образом, применение дильтеевского метода к анализу творчества Толстого позволяет не только увидеть единство творческого и духовного пути писателя, но и правильно оценить специфику его художественного метода, раскрыть философско-антропологическое и религиозное содержание его произведений. Таким образом, можно утверждать, что текст повести — это часть духовной жизни автора, где, согласно теории В. Дильтея, элементами герменевтического круга, а именно части и целого, являются текст и авторская биография.

Важным методологическим источником для данной работы послужило фундаментальное исследование В. Н. Ильина, который в своем

произведении, посвященном творчеству Л. Толстого, предложил оригинальную трактовку мировоззрения писателя как целостной религиозно-философской системы. Ильин применил методологический синтез, в котором взгляды писателя анализируются как часть религиозно-философской традиции. А его комплексный подход представляет собой сочетание историко-философского анализа эволюции взглядов писателя, текстологического разбора произведений и сравнительной характеристики учения Толстого и православной догматики. Надо заметить, что методологический синтез, заявленный в работе Ильина, в действительности наиболее полно позволяет обнаруживать противоречия как диалектическое становление (веры и разума, чувств и логических парадоксов), но самое важное, что такое понимание дает возможность проследить глубинные связи идей писателя с древнерусской духовной традицией [11].

Результаты исследования и их обсуждение

Метод «понимающей герменевтики» в интерпретации житийного канона в повести «Отец Сергий» Л. Н. Толстого

Большинство исследователей творчества Л. Толстого считают, что его обращение к архетипической структуре является для мыслителя скорее точкой опоры для последующего развития идей [4, 5, 15, 17, 18]. Анализ дневников и произведений писателя только убеждает нас в том, что его творчество направлено на сознательную трансформацию жанра, где классическая модель жития превращается в основу, затем на нее накладываются индивидуальный художественный замысел и авторские личностные смыслы. Повествование становится современным, *«живым»* благодаря тому, что Толстой сознательно отказывается от строгого следования внешним канонам и заранее заданным сюжетным линиям. Такой прием с опорой на автобиографический метод позволяет ему сосредоточиться на внутренней духовной жизни героя, показать читателю развитие его личности, понять сложные неоднозначные поступки и необходимость нравственного выбора. Таким образом, писатель опирается не на жёсткую структуру, а на мораль, извлечённую из житийных текстов. Так, например, Толстой в своих дневниках не просто фиксирует события или мысли, а стремится к самопознанию и духовному росту, что становится ключом к пониманию его творчества и мировоззрения. В. В. Бибихин подчёркивает, что в записях Толстого проявляется особое внутреннее «я» — то, что он называет «смотрителем»: это не социальная роль писателя, помещика или офицера, а глубинное усилие по усмотрению самого себя, направленное на «рост жизни» [2].

По мере знакомства с сюжетом повести «Отец Сергий», описание характерных черт главного героя в детстве и молодости наводит читателя на мысль об удивительном сходстве со становлением и духовными поисками самого Толстого, отражёнными в его дневнике, который он вёл в течение 47 лет своей жизни. Для более детального понимания созвучия основных мотивов, представленных писателем в повести «Отец Сергий» и в своих личных переживаниях, размышлениях, изложенных в дневниках и записках, соотнесем некоторые идеи, отражающие сложный характер героя повести и самого Толстого.

В повести мы видим описание жизни главного героя: «Работа с самого его детства шла, по-видимому, самая разнообразная, но в сущности всё одна и та же, состоящая в том, чтобы во всех делах, представлявшихся ему на пути, достигать *совершенства* и успеха, вызывающего похвалы и удивление людей» [23, с. 7]. ***В своем дневнике*** писатель замечает: «Я много переменился; но всё ещё не достиг той степени *совершенства* (в занятиях), которого мне хотелось бы достигнуть» [24, с. 15]. И далее в записной книжке Толстой пишет: «В душе идеал совершенства, от которого далек сам и далеки они. Для себя знаешь или чувствуешь причины, не допускающие совершенства, а на них сердишься, что они несовершенны» [25, с. 107].

Повесть: «...у него всегда была поставлена какая-нибудь *цель*, и, как бы ничтожна она ни была, он отдавался ей весь и жил только для неё, пока не достигал её. Но как только он достигал назначенной цели, так другая тотчас вырастала в его сознании и сменяла прежнюю» [23, с. 7]. ***Дневник писателя:*** «имей *цель* для всей жизни, цель для известной эпохи твоей жизни, цель для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня и для часу и для минуты, жертвуя низшие цели высшим» [24, с. 269].

Повесть: «Это-то стремление отличиться и, для того чтобы отличиться, достигнуть поставленной цели, наполняло его жизнь» [23, с. 7]. ***Дневник писателя:*** «Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рождён не для того, чтобы быть таким, как все...» [24, с. 102].

Повесть: «Даже вступая в свет, он задал себе *целью связь с женщиной света*... И он избрал девушку, красавицу, придворную, не только свою в том обществе, в которое он хотел вступить, но такую, с которой старались сближаться все самые высоко и твёрдо поставленные в высшем кругу люди» [23, с. 8]. В Дневнике писатель отмечает: «Чтобы поправить свои дела, из трёх представившихся мне средств я почти всё упустил:

1) Попасть в круг игроков и при деньгах играть. 2) Попасть в высокий свет и, при известных условиях, жениться» [24, с. 45].

Таким образом, хотя повесть и не автобиографична, как, к примеру, «Детство», «Отрочество», «Юность», в ней прослеживается духовный путь самого автора. Можно сказать, что повесть явилась своего рода его репрезентацией, на что указывает её содержание, которое во многом пересекается с дневником писателя. Так, в своём дневнике Толстой зафиксировал анализ своих добродетелей и пороков: «Правду сказал брат, что эта личность похожа на меня. Главная черта — благородство характера, возвышенность понятий, любовь к славе и совершенная неспособность ко всякому труду» [24, с. 66]. И далее: «Сколько я мог изучить себя, мне кажется, что во мне преобладают три дурные страсти: игра, сладострастие и тщеславие» [24, с. 93]. Борьба с двумя последними становится, по мнению Толстого, идеей повести. В дневнике русский классик отмечает своё желание: «...принимать большое влияние в счастии и пользе людей» [24, с. 102]. Таким образом, своей социальной ролью писателя и мыслителя Толстой искренне желал преобразовать общество. Гораздо позже, уже на склоне лет (в 1890 г.), делая наброски к повести, он критично замечает о себе: «Всё не то делаю» [26, с. 16]. Эти же слова он сказал себе и в повести, размышляя о Пашеньке, философски заключив: «Я жил для людей под предлогом Бога, она живёт для Бога, воображая, что она живёт для людей» [23, с. 44]. В философских размышлениях главного героя повести прослеживается нравственная установка самого писателя, подчеркивающая ценность бескорыстного поступка: «...доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже облагодетельствованных мною для людей» [23, с. 44]. Этот вывод свидетельствует о том, что герой осознает бесплодность тщеславия, то есть стремления к внешнему признанию (этот порок в своих дневниках Толстой часто приписывает себе) [24].

В толстовской этике, таким образом, разворачивается сложная дихотомия между жизнью для Бога и жизнью для человека: «Жизнь для Бога есть постройка Его здания, для человека — радость спасения» [27, с. 531]. Затем раскрывается гносеологическая напряжённость: «Знал, что добро не пропадает и побеждает зло, но не знал, зачем ему делать добро. Знал, что оно хорошо для Бога, но для себя не знал, зачем нужно добро» [27, с. 530]. И, наконец, формулируется интегративный моральный императив: «живи не для себя, а для Бога и для людей» [27, с. 553]. В совокупности эти высказывания фиксируют переход от эгоцентрической мотивации к трансцендентной телеологии, где добро обретает своё основание не в субъективной полезности, а в абсолютной божественной санкции.

Особый интерес в повести «Отец Сергий» представляет переосмысление Толстым житийного канона, в котором он не стремится следовать устоявшимся схемам, а трансформирует их, наполняя новым содержанием и меняя сам подход к житийному сюжету. Исследователь А. Г. Гродецкая отмечает: «Что касается тематики житий, выбор Толстого определяла содержательная сторона памятников, — отбиралось то, что было созвучно его собственным представлениям о психологии веры и психологии религиозного поиска, то, что совпадало с собственным толстовским неканоническим и недогматическим богословием» [4, с. 75]. Сюжет повести напоминает жанр агиографии, а сам анализ житийной традиции осуществляется методом *«вслед за автором»,* показывая, что писатель использовал элементы, включённые в канон агиографии (например, нежелание матери участи монаха для своего сына — одна из составляющих некоторых житий оригинальной древнерусской агиографии). Так, например, в «Житии преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского» сказано: «Мать же три дня вся в слезах искала его по городу до тех пор, пока не узнала, куда он пошёл. Тогда мать с младшим сыном тотчас отправилась за ним и, догнав его, в сильном гневе стала наносить ему жестокие побои, повергая его на землю и попирая его ногами» [9, с. 102].

Следующий элемент канона агиографии, который встречается в произведении Толстого, — *достижение христианских добродетелей*. В «Отце Сергии» к ним относятся благотворительность, смирение, воздержание, послушание, труд, умная молитва и умиление. В сюжет также включено описание затворничества. Такие важные сюжетные линии жития, как искушения и противостояние им, благодаря экзистенциальному проявлению свободной воли, показаны в эпизоде, когда отец Сергий, искушаемый Маковкиной, решает отрубить себе палец. Другая важная линия жития — чудотворение — представлена в повести в виде исцеления больных, например, случай выздоровления мальчика, о котором просит его мать. Идея всеединства, единения человека и природы и их неразрывной связи прослеживается в эпизоде с воробьём, который, подлетев к отцу Сергию перед тем, как тот поддался искушению, испугался чего-то и улетел, словно предвидя

духовное падение монаха. Звук колокола, а вернее колокольчика, также нашёл своё отражение в повести. Сравним колокольный звон, встречающийся в житиях: «Много раз слышал святой Павел церковный звон на том месте, где поселился, и видел свет, на одном месте, где впоследствии сооружён был храм во имя Пресвятые Троицы» [8, с. 231]. И наконец, бессознательное, трансцендентное, посредством сновидений помогает герою повести в прояснении выхода из тупика и отчаяния. Сновидения трактуются главным героем в качестве видений, посланных Богом и указывающих на путь к спасению. Эта линия сюжета также часто включена и в сюжеты древнерусских житий: «Однажды ночью она увидела во сне ангела Божия. Взяв её за руку, ангел повёл её за город, к месту, называемому Сельцем»... при этом ангел сказал блаженной: «Подобает тебе здесь пребывать, потому что Бог через тебя на этом месте многих приведёт ко спасению» [9, с. 496].

Однако, несмотря на схожесть основных житийных мотивов и сюжетных линий в повести «Отец Сергий», в итоге целостного понимания произведения может сложиться неоднозначное впечатление, которое некоторые исследователи обозначили как «антижитие»[1]. Рассмотрим, что позволяет сделать такой вывод. По словам А. Г. Гродецкой, жития святых как жанр отражают не только духовные искания, но и социально-культурный контекст, в котором они создавались и воспринимались [6]. Поэтому главные идеи агиографии отсылают нас к религиозной и политической ситуации, оказывающей прямое влияние на становление духовной культуры. В житийных текстах религиозная идея заключается в стремлении святого к спасению, где, совершая подвиги, он следует подвигу Христа. При этом дуализм, выраженный в борьбе добродетелей с пороками, — самая характерная черта агиографии [1]. Повесть Толстого также пронизана религиозной идеей, которая присутствует в амбивалентном изображении ключевых идей нравственного поиска и некоторых моральных оценках неоднозначных поступков литературных героев. Однако, если носителями добродетелей в житиях, как правило, являются монахи, иноки, которые впоследствии становятся канонизированными святыми, а носителями пороков — злые люди или бесы, которые досаждают по канону жанра святым, то в повести борьба добродетелей и пороков представлена на примере сосуществования в одном человеке.

Таким образом, можно сказать, что Толстой художественно осмыслил агиографический жанр и, при всей видимости следования ему, создал «антижитие» именно по причине противоречивости самой фигуры отца Сергия, в котором всю его жизнь идёт внутренняя работа и борьба: «Было ли это ученье, науки, он брался за них и работал до тех пор, пока его хвалили и ставили в пример другим» [23, с. 7]. «Источников борьбы было два: сомнение и плотская похоть» [23, с. 19]. Всё это становится очевидным уже с экспозиции повести. Так, повествуя о детстве Касатского, Толстой отмечает его огромное самолюбие и вспыльчивость: «Одно, что мешало ему быть образцовым, были находившие на него вспышки гнева, во время которых он совершенно терял самообладание и делался зверем» [23, с. 5–6]. Во многих оригинальных житиях святые, которые впоследствии были канонизированы, лишены таких отрицательных характеристик в детском возрасте, какими обладал Касатский, и, напротив, обладают только лишь добродетелями. Толстой пишет о себе: «Сколько я мог изучить себя, мне кажется, что во мне преобладают три дурные страсти: игра, сладострастие и тщеславие» [24, с. 93]. Две последние страсти писателя находят непосредственное отражение в повести.

Можно выделить несколько направлений, по которым следует Толстой, переосмысливая житийные каноны в своих произведениях. Так, например, внутренняя борьба героя становится центральным элементом повествования русского мыслителя, что кардинально отличает толстовский подход от традиционного жития. Писатель старается акцентировать внимание на духовных исканиях персонажа, не останавливаясь только на его внешних поступках. Толстой видит путь возрождения, осуществляемый в несколько этапов, где искупление следует за падением. Здесь связь с патериками проявляется в использовании неожиданных, непредсказуемых коллизий, что придаёт повествованию большую

[1] Концепция повести «Отец Сергий» как «антижития» является одной из дискуссионных трактовок произведения, в частности, ее связывают с работами литературоведа А. Гродецкой, которая указывала, что Толстой создавал не традиционное житие, а его противоположность — текст, направленный против монашества как института. Гродецкая отмечала, что писатель использовал приёмы агиографии, но переосмыслил их, чтобы оспорить традиционное представление о христианском посвящении и святости, которое разделяло монашество и Церковь [См.: 5]. Однако надо отметить, что есть и другие интерпретации данного произведения, где отмечается, что Толстой не разрушал каноническую структуру жития, а переосмысливал её, выбирая сюжеты, которые соответствовали его «неортодоксальному» учению [См.: 18].

жизненность [5]. Можно остановиться на некоторых примерах таких трансформаций, в частности, в повести «Отец Сергий» Толстой стремится сохранить внешние черты житийного канона, но одновременно трансформирует самую суть происходящего, изменяя устойчивые мотивы жития, прибегая к их нарочитому *«снижению»*. В традиционной агиографии *искушение* — это внешний вызов, который святой преодолевает силой благодати, а в «Отце Сергии» искушение предстаёт как внутренняя борьба, укоренённая в человеческой природе, то есть гордыня героя оказывается опаснее внешних соблазнов. Падение героя — это не случайная слабость, а закономерный итог его духовной слабости, порождённой гордыней. То же противоречие наблюдается и в отношении чуда: так, в житиях чудеса указывают на избранность святого, подтверждая его близость к Богу. Чудо, совершаемое в повести на примере исцеления больной, происходит словно без участия отца Сергия; здесь видится проявление высшей воли, которая не зависит от личных заслуг. Такой момент указывает на расхождение с идеей индивидуальной святости, где благодать присутствует и действует независимо от усилий человека. Важная часть повествования для житийного сюжета связана со стремлением святого к *«уединению»*, поскольку такое пребывание дает возможность углубиться в размышления, приблизиться к *совершенству*. Толстой же видит в монастыре и отшельничестве скорее ловушку: так, например, отец Сергий ищет славы через аскезу и понимает, что достичь этого невозможно, не уповая непосредственно на Бога. Поэтому и описания его подвигов в повести не показывают истинного смирения, они больше напоминают форму самолюбования. Надо еще отметить, что в классическом житийном сюжете покаяние ведёт к канонизации героя, что должно означать его духовный рост. В повести Толстого покаяние выглядит иначе: здесь делается акцент на отказ от идеи собственной исключительности. В повести нет прославления героя, поскольку он находит себя в другом призвании — в служении простым людям.

Философский взгляд Л. Толстого на природу человека

Толстой создаёт новый тип повествовательной структуры, основанный на амбивалентности жанровой модели. С одной стороны, «Отец Сергий» сохраняет некоторые черты житийного жанра, такие как изображение жизни святого и его духовного пути. С другой стороны, Толстой вносит в повесть элементы психологического романа, позволяя читателю глубже проникнуть во внутренний мир героя. Толстой исследует не только духовный путь героя, но и его непростые взаимоотношения с другими персонажами, его социально-пространственное присутствие, ожидания и сложную внутреннюю рефлексию. Это позволяет мыслителю создать более полную и многогранную картину человеческой жизни, отражающую её сложность, непредсказуемость и противоречивость. Характеризуя личность писателя, важно подчеркнуть: «Подобно античному философу, он всегда оставался верен себе и голосу Бога «в себе». Решение не может быть дано заранее. Ответа просто нет, пока нет ситуации, в которой только и понимает человек самого себя и мир вне себя. Нагляднее всего эту мысль Толстой демонстрирует в своих художественных текстах. Его работы наполнены примерами проявления христианской жизни (разумного сознания) в самых тяжёлых условиях существования…» [12, с. 76].

Интересно и то, как именно Лев Толстой переосмысливает некоторые традиционные христианские ценности в повести «Отец Сергий», выстраивая сложные линии и параллели с философскими концепциями свободы, самопознания и духовного роста. Через изображение внутренней борьбы главного героя писателю удается приоткрыть многие скрытые мотивы и показать пути преодоления человеческих слабостей, в итоге — обрести надежду на достижение духовного совершенства.

Концепция греха в повести Толстого подчёркивает важность самоанализа, самокритики и стремления к преодолению своих недостатков и непосредственно связана с его пониманием свободы. «Религиозно-нравственная составляющая заповедей Л. Н. Толстого нашла выражение в его системе грехов, соблазнов, суеверий. Эти понятия рассматриваются философом как основные проводники зла. Зло понимается здесь в аспекте приобщения человека к страданиям» [15, с. 168]. Грех, по мысли писателя, — это не только нарушение моральных норм, но и форма духовной несвободы, которая мешает человеку обрести истинное бытие. Раскаяние и страдания становятся необходимыми этапами духовного роста для героя и одновременно это путь к освобождению от несвободы и достижению внутренней гармонии. Таким образом, описание и осознание греховного акта связано у Толстого с пониманием его как важнейшего источника внутреннего движения души, способного изменить человека и даже направить его к истинной жизни. «При этом мыслитель считает, что такого рода страдание необходимо для человека, так как позволяет ему узнать

истинную цену грехов, соблазнов и суеверий, начать задумываться о преобразовании своей души, отойти от зла» [15, с. 168]. В результате духовный путь героя у Толстого предстает как философский поиск истины и самопознания. По сюжету повести отец Сергий стремится к освобождению от мирских искушений, чтобы обрести внутреннюю свободу и гармонию. Этот путь связан с отказом от социальных ролей и материальных благ, что отражает идеи экзистенциализма о преодолении внешних детерминант и обретении подлинного бытия. Для В. И. Иванова жизнь и творчество писателя и были таким вызовом, противоречием и прорывом одновременно: «Жить по-Божьи» значило для Толстого, прежде всего, жить парадоксальною жизнью отвернувшегося от ликов жизни человека, — жить вверх, обнажаясь и снимая покровы, выше закона жизни, в область пустой свободы, в область чистого «Да» абсолютному бытию» [10, с. 3].

Важно отметить, что, хотя писатель и допускает использование привычного жанрового канона, в центре его творчества оказывается именно человеческая личность с её внутренними духовными переживаниями и поисками жизненного смысла. Это придаёт житийным сюжетам Толстого особую глубину и универсальность, позволяя его произведениям оставаться важными не только в религиозном, но и в культурно-философском контексте. Для создания такой сложной художественной и философской картины Толстой использует фольклорные мотивы и архаические элементы, чтобы придать повествованию глубину и многослойность. В повести сталкиваются разнородные элементы, и это столкновение обнаруживает связь с мифологическими и религиозными традициями, что придаёт произведению особую философскую и духовную глубину. Так, видение, посещающее главного героя, выступает не просто как сюжетный эпизод, а как символ духовного откровения: оно преображает его сознание и выводит на путь аскетизма. Таким образом, переосмысление житийных традиций в повести «Отец Сергий» позволяет Толстому создать уникальное произведение, которое сочетает в себе элементы различных жанров и философских концепций, а само произведение становится не только художественным, но и философским исследованием человеческой природы.

Теоцентризм и модель нравственного выбора

Следуя агиографической традиции, Лев Толстой поднимает проблемы **теоцентризма**, свободного выбора, моральной ответственности, покаяния, коллективизма, нравственности и дуализма, что широко демонстрируется писателем в повести «Отец Сергий». Так, к примеру, теоцентризм можно выделить в эпизоде, когда мать Касатского пытается отговорить его от иночества, но он говорит ей, что «призвание Бога выше всех других соображений, а он чувствует его». Кроме того, на решение Касатского уйти в монастырь повлияло «истинно религиозное чувство» [23, с. 11]. «Разочарование в Мэри (невесте), которую он представлял себе таким ангелом, и оскорбление было так сильно, что привело его к отчаянию, а отчаяние куда? — к Богу, к вере детской, которая никогда не нарушалась в нём» [23, с. 11].

Теоцентризм, характерный для мировоззрения героев житийного сюжета, выражался в проблеме определения сущности человека, делал его не только телесным существом, но и духовным. Толстой перенимает и переосмысливает эту философско-антропологическую проблему, включая её в свою повесть, в сюжете которой главный герой Касатский до последнего момента повествования пытается найти Бога, называя себя рабом Божьим. В результате перед читателем повести возникает проблема сложного выбора героя (через противостояние ангела и беса), которая является изначальной, поскольку произрастает из двойственности природы человека.

В повести цель жизни Касатского представлена как стремление к спасению. Толстой показывает, что в своих подъёмах и падениях Касатский до последних строк повести совершает путь к своему личному спасению. Благодаря постоянному анализу внутренних чувств главными героями повести, а также борьбе и поиску ответа на вопрос: «как жить, чтобы достичь спасения?» сопровождают его вплоть до последней реплики, произнесённой им на страницах повести: «Спаси Христос» [23, с. 45]. На примере душевных метаний персонажа можно увидеть, как проявляется эта двойственность, которую Толстой описывает так: «В хорошие минуты Касатского не смущали эти мысли. Когда он вспоминал про это в хорошие минуты, он радовался, что избавился от этих соблазнов. Но были минуты, когда вдруг всё то, чем он жил, тускнело перед ним, он переставал не то что верить в то, чем жил, но переставал видеть это, не мог вызвать в себе того, чем жил, а воспоминание и — ужасно сказать — раскаяние в своем обращении охватывало его» [23, с. 13]. В итоге герой оказывается в тупике: «Хотел, как обыкновенно в минуты отчаяния, помолиться. Но молиться некому было. Бога не было» [23, с. 30].

Повесть условно можно разделить на части, в одной из которых как раз описывается состояние героя и причины, побудившие его к крайним полюсам (победа над искушениями и победа

искушений) [18]. Выделим некоторые смысловые части: причина ухода в монастырь (отчаяние); победа героя над искушениями — стяжание добродетелей и преодоления искушения от Маковкиной ценой своего пальца, который он отрубает; победа искушений над героем — сомнение в существовании Бога и, как результат, возвращение к порокам, что является своего рода ответом на внутренний конфликт героя. Хотя Толстой и включает в сюжет эпизод с матерью Касатского, которая отговаривает сына от подобного решительного шага, но параллельно с этим он вводит и повествование о сестре Касатского: «Одна сестра, такая же гордая и честолюбивая, как и брат, понимала его». Она понимала, что он стал монахом, чтобы «стать выше тех, которые хотели показать ему, что они стоят выше его» [23, с. 11]. В этих словах автора чувствуется диссонанс и противоречие канону жития: гордость и честолюбие совсем не вяжутся с человеком, решившим стать монахом. Одновременно автор добавляет: «В нём было и другое, истинно религиозное чувство, которого не знала Варенька, которое переплеталось с чувством гордости и желанием первенства, руководило им» [23, с. 11].

Дуализм Касатского изображается Толстым на протяжении всего повествования, героем руководит не столько истинно религиозное чувство, сколько чувство гордости и жажда быть первым, лучшим. Пребывание в монастыре не особо изменило Касатского, поскольку и там его переполняло чувство превосходства над другими, а радовало его внутреннее и внешнее *совершенство*: «Как в полку он был не только безукоризненным офицером, но таким, который делал больше того, что требовалось, и расширял рамки совершенства, так и монахом он старался быть совершенным: трудящимся всегда, воздержанным, смиренным, кротким, чистым не только на деле, но и в мыслях, и послушным» [23, с. 11–12]. И снова в этом эпизоде виден диссонанс с агиографическим каноном, поскольку Толстой обращает внимание на чувство превосходства над другими и стяжание христианских добродетелей Касатским. Но по мере жизни в монастыре и послушания старцу Касатский чувствовал, что покоряет свою волю смирением и достижением добродетелей, и даже в какой-то момент, как ему показалось, сумел одержать победу над похотью, жадностью и блудом, но мысли о невесте привели его впоследствии к тому, что: «Он, как обыкновенно, молился, клал поклоны, но молился телом, души не было» [23, с. 13].

Убеждённость героя повести в том, что он имеет влияние на людей, предшествует его духовному падению, — можно даже сказать, является одной из причин: «Он думал о том, что он светильник горящий, и чем больше он чувствовал это, тем больше он чувствовал ослабление, потухание божеского света истины, горящего в нём» [23, с. 29]. Чем больше он считал, что подобен при жизни святым, уверяя себя: «Да, так святые делают» [23, с. 30], — не без подачи такого определения, данного ему многочисленными окружающими людьми: «Отец святый, благослови дщерь мою болящую исцелить от боли недуга» [23, с. 32], — тем больше «он чувствовал в глубине души, что дьявол подменил всю его деятельность для Бога деятельностью для людей» [23, с. 29]. С этого момента начался его спуск со ступеней добродетелей на ступени пороков и грехов, его снова начала обуревать страсть тщеславия: «Он тяготился посетителями, уставал от них, но в глубине души он радовался им, радовался тем восхвалениям, которыми окружали его» [23, с. 29]. Следующей ступенью пороков стал его интерес к девушке, которую купец привёз к нему для исцеления: «Так купцова дочь интересовала его тем, что она была новое лицо, что она имела веру в него, и тем ещё, что предстояло опять на ней подтвердить свою силу исцеления и свою славу... И ему вдруг стало совестно своего тщеславия» [23, с. 34]. Затем Толстой помещает своего героя ещё дальше от Бога: «Да есть ли он? Что, как я стучусь у запертого снаружи дома» [23, с. 35]. Завершило падение отца Сергия его соблазнение дочкой купца, которое он не смог победить. В эти тёмные моменты искушения сомнением в существовании Бога и в моменты осознания порока тщеславия отец Сергий понимает: «он был смиренен тогда, когда он постоянно гадок был себе своей греховностью, и ему казалось, что он имел тогда и любовь, когда вспоминал, с каким умилением он встретил тогда старика, зашедшего к нему пьяного солдата, требовавшего денег и её (Маковкину)» [23, с. 35]. И здесь проявление добродетели самоуничижения перекликается с философией Толстого, что человек есть дробь, где «числитель — это сравнительно с другими, — достоинство человека, знаменатель — это оценка человеком самого себя. Увеличить свой числитель — свои достоинства, не во власти человека, но всякий может уменьшить свой знаменатель — своё мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству» [20, с. 164]. В эти тёмные моменты искушения, вызванные неверием и тщеславием, он, согласно закону духовной арифметики блаженного Августина, понимает, что отдаляется от Бога, так как чем дальше отстоит каждый из нас от центра круга,

от Бога, тем дальше мы друг от друга, как отдаляющиеся радиусы. Это отдаление от Бога и людей происходит спустя семь лет монастырской жизни, когда Касатский теряет к ней интерес, так как всему, чему он мог там научиться, он уже научился, всего, чего он мог там достигнуть, он достиг. Даже известие о смерти матери и выходе замуж сестры герой встречает равнодушно, в отличие от героев агиографического жанра, которые воспринимали известия о кончине своих родных очень болезненно.

В конце повести Толстой подводит итоги: отец Сергий избавляется от своих пороков (таких как сомнения, тщеславие) благодаря своему духовному падению, как бы это ни звучало парадоксально. Он уже не ждал тщетной славы от людей и их благодарности, «...потому что уходил. И понемногу Бог стал проявляться в нём» [23, с. 45]. «Он презрел людское мнение... чем меньше имело значение мнение людей, тем сильнее чувствовался Бог» [23, с. 46]. Толстой изображает экзистенциальное состояние человека как проблему двойственности, и, если в агиографии эта двойственность показана посредством двух полюсов: святого и его добродетелей — людей и бесов, их пороков и грехов, то у Толстого двойственность находит своё отражение в главном герое повести, у которого путь к вере в Бога состоял из подъёмов и падений.

Очевидно, что цель жизни героя повести созвучна цели жизни самого писателя — это христианское спасение. Последние слова отца Сергия в повести тому подтверждение: «Спаси Христос» [23, с. 45]. Толстой подчеркивает, что только упав в самые глубины порока, отец Сергий стал ближе к Богу. Сам же выход из тупика мыслитель видит в бессознательном, трансцендентном. Так, в повести ответом на *«тупик»* для героя был сон (о Пашеньке). В дневнике Толстой напишет: «Я не надеюсь своим рассудком дойти до чего-либо и не презираю больше форм, принятых всеми людьми» [24, с. 38]. По мысли писателя, человеку необходимо преодолевать самого себя, так как нет индивидуального спасения: «Главный вывод Толстого очевиден: только ценой утраты самой человеческой субъектности и идентичности человеческого «я» может быть достигнута та высшая онтологическая подлинность бытия, которая является эквивалентом бессмертия и символизируется у Толстого концептом «истинной жизни»» [3, с. 30].

Таким образом, Толстой видит экзистенциальное состояние человека как фундаментальную проблему внутренней двойственности, в виде раскола между духовным устремлением и земной природой, между идеалом и реальностью, между волей к святости и неизбежностью падения. В традиционной агиографии, напротив, двойственность человеческого существования представлена дихотомически, через чёткое противопоставление двух полюсов. Эта модель носит внешне-символический характер, поэтому предполагается, что борьба происходит как бы «вне» человека — между силами добра и зла, а святой при этом выступает проводником божественной воли. Его путь линеен: от искушения — к победе, от испытания — к прославлению. У Толстого представлена другая линия — это диалектическая борьба, дихотомия внутри самой личности. Писатель не разделяет мир на «святых» и «грешников», он стремится показать внутреннюю борьбу как сущностную черту человека. Герои произведений Толстого не являются нравственными образцами, они не статичны и не могут служить исключительно примером добродетели или порока. В героях проявляются живые люди, которые переживают динамику духовного становления — подъёмы и падения, озарения и заблуждения, моменты близости к Богу и периоды отчуждения. В повести «Отец Сергий» этот принцип раскрывается наиболее полно. Путь главного героя к вере — это путь самого Толстого к обретению Бога, но путь этот не прямая линия восхождения, а «спираль духовных колебаний», где каждое падение становится условием нового подъёма, каждое озарение — испытанием на прочность. Следовательно, истинный духовный путь направлен не столько на окончательный выбор между двумя полюсами добра и зла, сколько на путь постоянное преодоление внутренней противоречивости человеческой *самости* [19].

Выводы

Исследование творчества Толстого предполагает множественность его прочтений, каждый раз обращаясь к современной интерпретации и давая возможность увидеть нечто новое. Анализ текстов и личных записей Толстого всегда предполагает включение в *«понимание»* более широкого контекста, включающего исторический, политический, духовный и социально-культурный пласты. С одной стороны, сопоставление произведений русского писателя с каноническими житиями показывает преемственность традиции, в которой явно присутствует нравственный идеал (идея совершенства) и национальный код отечественной духовной культуры. С другой стороны, именно различия, обнаруженные в процессе этого сопоставления, позволяют увидеть, как Толстому удалось трансформировать традиционную агиографическую модель двойственной природы человека и перевести ее во внутренний круг эк-

зистенциальных переживаний. Сюжетная линия становится нарративом, обретающим смысл одновременно в трех плоскостях: состояние героя, отражение мыслей и присутствие самого автора (в виде вопрошания, поиска веры, истины, сомнения и самообличения), и, наконец, экзистенциальный акт самого читателя, дополняющего пространство повествования своим личным опытом. Внутри рассказанной истории близость возникает в момент совпадения смыслов для всех участников: наблюдателя, героя и рассказчика, при этом главная интенция нравственного перерождения отсылает к традиционному агиографическому мотиву — борьбе с искушениями, *преодолению* собственных пороков. Экзистенциальные акты оказываются вплетены в рефлексивное поле размышлений, благодаря чему внутренний мир человека словно обнажается и преобразуется в четкие, ясные, лаконичные мысли: «Говорят, Бог есть любовь, или любовь это Бог. Говорят тоже, что Бог это разум, или разум это Бог. Всё это не совсем верно. Любовь и разум — это те свойства Бога, которые мы сознаем в себе, но то, что Он сам в себе, этого мы не можем знать» [28, с. 45]. Очевидно, что Толстой не стремится *навязать* свою мысль, он пытается *привести* читателя к ней (позволив ему пройти весь путь сомнений). Для этого мыслитель вырабатывает собственный художественный метод, позволивший ему переосмыслить житийные тексты, включая их в свои произведения, при этом не разрушая и не используя их только как форму, но сохраняя в них главное — стремление к совершенству, понятому как безусловная любовь к Богу. В результате Толстой создает художественную систему, где антропологические и философские взгляды автора выстраиваются в живое повествование, преломляя универсальный опыт поиска веры через личные переживания, сомнения и падения. Герменевтическое прочтение повести «Отец Сергий» раскрывает её основной замысел, позволяющий произведению одновременно функционировать как психологической повести и как философскому исследованию духовных исканий человека.

Список источников

1. Бахтина О. Н. Проблемы анализа житийных текстов русской литературы (культурно-историческая традиция и код культуры) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 4 (8). С. 47–61.

2. Бибихин В. В. Дневники Льва Толстого. Изд. 2-е, испр. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2023. 464 с.

3. Гельфонд М. Л. Антропология Л. Н. Толстого // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 21–32.

4. Гродецкая А. Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб. : Наука, 2000. 263 с.

5. Гродецкая А. Г. Патериковые сюжеты в «Отце Сергии» // Яснополянский сборник. 2000. Тула : Издательский дом «Ясная Поляна», 2000. С. 65–84.

6. Гродецкая А. Г. Древнерусские жития в творчестве Л. Н. Толстого 1870–1890-х годов : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Рос. АН, Ин-т рус. лит. Санкт-Петербург, 1993. 20 с.

7. Гутова С. Г. Феномен духовности в философии Владимира Соловьева и его значение для современности // Ценности и смыслы. 2016. № 3 (43). С. 40–49.

8. Жития святых Димитрия Ростовского (по старому стилю). Собрание сочинений в 12 томах / общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 1, январь. М. : Издательство «Новое небо», 2018. 694 с.

9. Жития святых Димитрия Ростовского (по старому стилю). Собрание сочинений в 12 томах / общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 5, май. М. : Издательство «Новое небо», 2018. 574 с.

10. Иванов Вяч. И. Лев Толстой и культура // Русские мыслители о Льве Толстом : сборник статей / сост. С. М. Романов ; ред. В. И. Толстой. Тула : Изд-во Ясная Поляна, 2002. С. 309–322.

11. Ильин В. Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого / В. Н. Ильин. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2000. 478 с.

12. Климова С. М. «Рискнуть миром для Бога», или об анархических идеях Л. Н. Толстого // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 71–84. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10206

13. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. : издание К. Солдатенкова, 1871. 465 с.

14. Мойлашова О. В. Жития древнерусских святых — летопись духовной православной культуры // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы XXIV Международного научно-творческого форума (научной конференции), Челябинск, 06–07 ноября 2025 года. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2025. С. 62–65.

15. Полнова К. К. Нравственное значение и эстетический смысл народных рассказов Л. Н. Толстого // Манускрипт. 2017. № 1 (75). С. 168–171.

16. Райх К. Г. Вильгельм Дильтей о возможности анализа исторических процессов с помощью автобиографий // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10 (102). С. 66–70. DOI: 10.24158/fik.2022.10.10.

17. Романов Д. А. Философский и психологический опыт нравственно-этических поисков личности в художественно-языковой рефлексии (на материале повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий») // Российский социально-гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 152–162.

18. Стоянова С. И. Христианские мотивы в позднем творчестве Л. Толстого // Русская литература XIX века и христианство. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 191–196.

19. Толстой Л. Н. Исследование догматического богословия. / Л. Н. Толстой. М. : URSS: Либроком, 2013. 246 с.

20. Толстой Л. Н. Мысли мудрых людей на каждый день. Харьков : Фолио, 2007. 318 с.

21. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Письма, 1883–1886 / Л. Н. Толстой; / общ. ред. В. Г. Черткова. М. : Художественная литература, 1957. Т. 85. 384 с. URL: https://tolstoy.ru (дата обращения: 25.04.2026).

22. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Письма, 1893. Письмо к Н. Н. Страхову, 15 июля 1893 г. / Л. Н. Толстой. М. : Художественная литература, 1953. Т. 68: 568 с. URL: https://tolstoy.ru (дата обращения: 25.04.2026).

23. Толстой Л. Н. Отец Сергий. Полное собрание сочинений в 90 томах. Произведения 1890–1900 / Л. Н. Толстой; подгот. текста и коммент. Н. В. Горбачева, Л. П. Гроссмана, В. С. Мишина. М. : Художественная литература, 1954. Т. 31. 424 с. URL: https://tolstoy.ru (дата обращения: 25.04.2026).

24. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Дневник. 1847–1854 гг. / Л. Н. Толстой ; подгот. текста и коммент. А. С. Петровского. М. : Художественная литература, 1937. Т. 46. 574 с. URL: https://tolstoy.ru (дата обращения: 25.04.2026).

25. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Дневники и записные книжки 1858–1888 / Л. Н. Толстой ; подгот. текста и коммент. А. С. Петровского. М. : Художественная литература, (Серия 2, Дневники). 1952. Т. 48. 564 с. URL: https://tolstoy.ru (дата обращения: 25.04.2026).

26. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Дневники и записные книжки 1890 / Л. Н. Толстой ; подгот. текста и коммент. К. С. Шохора и Н. С. Родионова. М. : Художественная литература, (Серия 2, Дневники). 1952. Т. 51. 288 с. URL: https://tolstoy.ru (дата обращения: 25.04.2026).

27. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Произведения 1885–1889 / Л. Н. Толстой М. : Художественная литература. 1936. Т. 26. 957 с.

28. Толстой Л. Н. Путь жизни. М. : Республика, 1993. 432 с.

29. Цвален Р. М., Цыганков А. С. Лев Толстой и русская религиозная философия (часть I). Перевод с нем. А. С. Цыганкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 1. С. 55–63.

Информация об авторе

С. Г. Гутова — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономических и социально-гуманитарных наук.

Information about the author

S. G. Gutova — Doctor of Philosophical, Associate Professor, Professor of the Department of Economic and Socio-Humanitarian Sciences.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 14.05.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 14.05.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.